

Контракт на возвращение.
Книга 2

Владимир Кожедеев

18+

Владимир Кожедеев

Контракт на возвращение. Книга 2

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Контракт на возвращение. Книга 2 / В. Кожедеев — «Автор», 2026

«Контракт на возвращение. Книга 2» — это жестокая и пронзительная история о человеке, который продал три года своей жизни, чтобы спасти семью, и вернулся другим — закалённым в аду, но не сломленным. Егор Родионов подписал контракт отчаяния: три года на чужой, смертельно опасной планете в обмен на спасение любимых. Он верил, что вернётся через день. Он не знал, что «день» растянется на годы кошмарного кошмара в мире, где законы физики — лишь смутное воспоминание, а реальность распадается на осколки безумия. Чтобы выжить и добыть ресурсы для таинственного Картеля, Егору придётся стать не просто добытчиком, а стратегом, мозгом отряда таких же отчаявшихся: молчаливого силача Лехи, гениального медика Миры, неуловимого следопыта Финна и мудрого шахтёра Гнома. Вместе они — «Кузница», команда, которая учится выживать там, где гибнут лучшие. Но их успех привлекает внимание. Сначала — алчных конкурентов. Потом — самого Картеля...

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Кожедеев

Контракт на возвращение. Книга 2

Глава 1

Первый месяц дома был похож на сон. Не на тот кошмарный, липкий сон, что преследовал его в Глубинах, где стены дышали, а камни шептали на языке, который разум отказывался понимать. И не на тревожный, полу явный сон первых дней после возвращения, когда он просыпался в холодном поту, судорожно ощупывая простыни в поисках оружия, а вместо него находил лишь мягкую ткань и тёплую руку Арины.

Это был другой сон. Удивительно яркий, почти невесомый, от которого не хочется просыпаться. Егор открывал глаза каждое утро и несколько секунд просто лежал, вглядываясь в знакомый потолок спальни — белый, с едва заметной трещиной у люстры, которую он всё собирался зашпаклевать, но так и не нашёл времени. Слушал тиканье старых настенных часов, доставшихся от бабушки Арины, и ровное дыхание жены рядом. Смотрел, как солнечные лучи пробиваются сквозь лёгкие шторы и рисуют на полу золотые полосы, медленно перемещающиеся по паркету, словно стрелки гигантских часов.

Он боялся шевелиться. Боялся, что этот мир, такой хрупкий и настоящий, растворится, как мираж в раскалённом воздухе пустыни, и он снова окажется в сырой темноте шахты, слушая «шёпот камней» и чувствуя на коже холодную влажность Глубин. Боялся, что откроет глаза — и вместо спальни увидит низкий, давящий свод выработки, а вместо Арины — безликие тени, пожирающие его сознание.

Но часы тикали. Солнце двигалось по полу. Из-за стены доносился топот маленьких ног и звонкий голос Алисы, которая что-то требовательно обсуждала со своей любимой плюшевой пандой. Панда, судя по интонациям, была в чём-то виновата, и Алиса строго выговаривала ей за непослушание.

И тогда Егор позволял себе улыбнуться. Медленно, неуверенно, как человек, который заново учится пользоваться мышцами лица.

Он поворачивался на бок, рассматривая лицо Арины. Во сне она казалась совсем юной, почти девочкой — той самой, с которой он когда-то встретился на университетском проекте. Той, что смотрела на него с вызовом и говорила: «Ваш дизайн отличный, но он не для людей. Он для роботов. А я делаю для людей».

Мягкие светлые волосы разметались по подушке, ресницы слегка подрагивали, и на её лице, даже во сне, блуждала лёгкая тень улыбки. Егор осторожно, боясь разбудить, проводил пальцем по её щеке, и сердце его наполнялось такой острой, почти болезненной благодарностью, что перехватывало дыхание.

Он мог бы рассказать ей всё. Про Глубины, про Борща, про Сердце, про ту секунду, когда он думал, что умрёт в каменной утробе чужой планеты. Мог бы. Но не хотел. Не потому, что боялся, что она не поймёт. А потому что он хотел оставить этот ад там, где ему место. В прошлом. В той жизни, которую он похоронил вместе с контрактом.

— Ты смотришь, — прошептала Арина, не открывая глаз, и уголки её губ приподнялись чуть выше. — Каждое утро. Как будто я могу исчезнуть.

— Ты не исчезнешь, — тихо ответил Егор. — Никогда больше.

Его голос дрогнул на последнем слове. Он чувствовал, как комок подступает к горлу, и не пытался его проглотить. Здесь, в этом доме, он мог позволить себе быть слабым. Здесь слабость не была роскошью. Она была правдой.

Он поцеловал её в висок, чувствуя знакомый запах её волос — смесь шампуня с ромашкой и чего-то неуловимо родного, домашнего. Запах, который он вспоминал в самые тёмные ночи Глубин, когда казалось, что выхода нет. Запах, который держал его на плаву, когда всё остальное тонуло в безумии.

Потом он встал, накинул халат и пошёл к двери Алисы.

Она уже не спала. Сидела на полу посреди своей комнаты, окружённая разноцветными кубиками, и пыталась построить башню выше себя. Рыжие, непослушные кудряшки торчали во все стороны, а сосредоточенное выражение лица делало её похожей на маленького архитектора, решающего сложную инженерную задачу. Её пижама с единорогами была вывернута наизнанку, что свидетельствовало о том, что она одевалась самостоятельно, без помощи Арины.

— Доброе утро, строитель, — сказал Егор, присаживаясь на корточки рядом с ней.

— Папа! — Алиса подняла голову, и её лицо озарилось такой искренней, безоговорочной радостью, что Егору на мгновение показалось, будто его сердце остановилось. — Смотри! Я почти сделала!

Она показала на шаткую конструкцию из семи кубиков, которая действительно напоминала небоскрёб, готовый вот-вот рухнуть от малейшего дуновения.

— Почти, — серьёзно кивнул Егор, разглядывая творение дочери. — Но основание слабовато. Давай подумаем, как его укрепить.

Он сел на пол рядом с ней, чувствуя, как холодный паркет касается его босых ступней. Алиса тут же придвинулась ближе, положив голову ему на плечо, и следующие полчаса они вместе строили, разбирали и строили заново. Егор не давал готовых ответов, а задавал вопросы: «Как ты думаешь, почему эта часть падает? Что можно сделать, чтобы она держалась крепче?» Алиса хмурилась, переставляла кубики, ошибалась, но снова и снова пыталась. Её маленькие пальцы дрожали от напряжения, когда она ставила очередной кубик на вершину, и она прикусывала губу, как делала это Арина в моменты особой сосредоточенности.

«Ты у меня инженер», — с гордостью думал Егор, глядя на её серьёзное, сосредоточенное лицо, на котором мелькало знакомое выражение — упрямая решимость докопаться до сути. В ней была та же одержимость, что и в нём, когда он разбирал старые двигатели с отцом в гараже. Та же любовь к тому, чтобы понять, как устроен мир, разобрать его на части и собрать заново, но лучше, чем было. И это была самая прекрасная наследственность, которую он мог себе представить.

Когда башня наконец устояла, Алиса захлопала в ладоши, и Егор на мгновение закрыл глаза, впитывая этот звук. Простой, чистый, детский смех. Звук, который был дороже всех «Слёз» в Глубинах. Дороже всех контрактов и выплат. Дороже жизни.

Он поцеловал её в макушку, чувствуя, как пахнут её волосы — детским шампунем, молоком и счастьем. И подумал: «Я бы снова пошёл в Глубины. Снова спустился в Сердце. Снова встретился с Борщом. Ради того, чтобы слышать этот смех каждое утро».

Но он не сказал этого вслух. Он просто обнял дочь и прошептал:

— Ты умница, Алиса. Самая умная девочка на свете.

— Я знаю, — серьёзно ответила она, и Егор невольно рассмеялся, чувствуя, как тяжесть, годами жившая в его груди, становится чуть легче.

Потом они завтракали втроём. Арина пекла оладьи, и на кухне пахло мукой, молоком и счастьем. Алиса сидела на высоком стульчике, болтала ногами и рассказывала о своих снах, в которых летала над облаками на гигантской черепахе. Егор слушал, кивал, подкладывал ей ещё оладьи, и чувствовал, как напряжение, годами жившее в его плечах, медленно отпускает. Каждое утро он просыпался с тяжестью в груди, и каждое утро она становилась чуть меньше.

— Ты слишком много сидишь с ней, — заметила Арина, когда Алиса убежала в свою комнату за новой игрушкой, чтобы показать папе, как «настоящий дракон» должен выглядеть. — Только что вернулся, а уже ползаешь по полу. Ты же устаёшь.

— Я скучал, — просто ответил Егор, глядя на свою жену. В утреннем свете она казалась особенно красивой, и он не мог оторвать от неё взгляд. — Три года, Арина. Три года я не видел, как она растёт. Как учится смеяться, говорить, строить башни. Я не хочу пропустить ничего. Ни одной секунды.

Арина подошла к нему, обняла со спины, положив голову ему на плечо. Её руки скрестились на его груди, и он чувствовал, как бьётся её сердце — ровно, спокойно, уверенно.

— Она не без тебя, — тихо сказала она. — Я всё время говорила ей о тебе. Показывала фотографии. Рассказывала, какой ты умный и сильный. Она тебя ждала. И ты пришёл. Это главное.

В её голосе была лёгкая дрожь — не от слёз, а от чего-то большего. От тихой, выстраданной веры, которая не дала ей сломаться в те дни, когда он молчал. Когда проходили недели, и от него не было вестей. Когда она сидела у окна и смотрела на звёзды, не зная, смотрит ли он на те же звёзды, или его уже нет.

Егор повернулся, взял её лицо в ладони и поцеловал. Долго, нежно, вкладывая в этот поцелуй всё, что не мог сказать словами. Всю свою благодарность, всю свою боль, всю свою любовь. Он чувствовал, как её руки сжимают его плечи, и знал, что она чувствует то же самое. Что они оба пережили нечто большее, чем просто разлуку. Они пережили чудо — возвращение.

— Я люблю тебя, — прошептал он, когда они отстранились. — И никогда не перестану благодарить тебя за то, что ты дождалась.

— Иди сюда, — улыбнулась Арина, и они замолчали, просто слушая, как смеётся за стеной их дочь.

Этот смех был лучшим лекарством от всех кошмаров, которые ещё иногда просыпались в его душе по ночам.

Вторая неделя адаптации выдалась сложнее. Егор вдруг почувствовал, что у него нет привычного ритма жизни. В Глубинах всё было структурировано: подъём, спуск, работа, возвращение, сон. Каждый день был как предыдущий, и эта предсказуемость помогала сохранять рассудок. Здесь же время текло иначе — медленнее, свободнее, и эта свобода пугала.

Он мог целый день ничего не делать. Лежать на диване, смотреть в потолок, слушать, как в доме что-то тикает, гудит, шелестит. И чувствовать при этом, как внутри него нарастает тревога, которой нет имени. Как будто он ждал команды, которой больше не будет.

Однажды Арина застала его в гостиной в три часа дня. Он сидел на диване, уставившись в одну точку, и не слышал, как она вошла. На его лице было выражение полной отрешённости — он был здесь, но в то же время где-то далеко. Там, где стены дышат, а камни шепчут на языке безумия.

— Егор, — позвала она. — Ты слышишь меня?

Он вздрогнул, моргнул, и его глаза сфокусировались на ней. Узнавание мелькнуло в них, и он слабо улыбнулся.

— Прости. Задумался.

Арина села рядом и взяла его за руку. Её пальцы были тёплыми и живыми, и он сжал их, чувствуя, как возвращается в реальность.

— Ты скучаешь? — спросила она тихо, и в её голосе была нежность и боль одновременно. — По ним? По той жизни?

Егор молчал долго. Он не знал, как ответить. Скучал ли он по Глубинам? По этому аду, который чуть не сожрал его душу? Нет. Но он скучал по своим. По тем, с кем делил страх и

надежду. По Лехе, который молча закрывал его собой. По Мире, которая лечила его тело и душу. По Финну, чья тень стала ему родной. По Гному, чья мудрость была старше камней.

— Я скучаю по команде, — признался он наконец. — По людям, с которыми я прошёл через ад. Не по аду. А по ним. Они стали моей семьёй там. И это странно, потому что здесь у меня есть вы. И вы — моё всё. Но я не могу просто вычеркнуть то, что мы пережили вместе.

Арина сжала его руку крепче.

— Я понимаю, — сказала она, и он знал, что она действительно понимает. — Ты не должен вычёркивать их. Ты можешь рассказывать мне о них. Если хочешь.

И он начал рассказывать. Не про ужасы, не про битвы, а про людей. Про Леху, который мог разбить камень голым кулаком, но боялся пауков. Про Финна, который умел исчезать в тени, но терялся в простых разговорах. Про Гнома, который знал породу лучше, чем своё имя. Про Миру, которая спасла им жизни так много раз, что они перестали считать.

Арина слушала, не перебивая. Она видела, как его лицо смягчается, как уходит из глаз тоскливая отстранённость, и на её место приходит тёплая грусть. И она знала, что это правильно. Что он должен говорить об этом. Должен выпустить своих призраков, чтобы они перестали быть призраками и стали просто воспоминаниями.

Когда он закончил, в комнате было тихо. Егор посмотрел на свои руки, потом на Арину.

— Спасибо, — сказал он. — За то, что слушаешь. За то, что ты есть.

— Я всегда буду слушать, — ответила она. — Ты мой муж. И если тебе нужно говорить — говори. Даже если это будет страшно. Даже если это будет больно. Я буду рядом.

Он обнял её, и в этом объятии было столько благодарности, сколько не вместила бы ни одна вселенная.

Через две недели адаптации к семейной жизни Егор понял, что ему нужно вернуться к делу. Не для того, чтобы убежать от дома, а наоборот — чтобы утвердить себя в этом новом мире, где он мог быть не только мужем и отцом, но и профессионалом. Он чувствовал, что его разум, его навыки, его опыт — всё это просилось наружу, требовало применения. Он не мог просто сидеть и смотреть в потолок, даже если этот потолок был белым и родным.

Его стартап «Нейро-Логика», основанный ещё до контракта с Картелем, едва не развалился во время его отсутствия. Партнёры — Андрей и Сергей, с которыми он начинал этот проект ещё в аспирантуре, — с трудом удерживали компанию на плаву. Они разрабатывали алгоритмы для медицинской визуализации: программу, которая помогала врачам быстрее ставить диагнозы по снимкам МРТ и КТ. Это была их общая мечта — сделать медицину доступнее, точнее, человечнее.

Но без Егора проекты буксовали. Алгоритмы работали медленно, давали ложные срабатывания на сложных снимках, требовали слишком много вычислительных ресурсов. Инвесторы теряли интерес, и всё шло к тому, что через полгода компанию пришлось бы продать по остаточной стоимости.

Когда Егор впервые после возвращения вошёл в офис — небольшое, но светлое помещение в бизнес-центре на окраине Москвы — его встретили сдержанными улыбками и напряжённым молчанием. Андрей, высокий, худощавый, с вечно взлохмаченными волосами, смотрел на него с смесью облегчения и настороженности. Сергей, коренастый и серьёзный, стоял у окна, скрестив руки на груди. Они знали, что он уехал «по делам», но не знали куда и зачем. И теперь видели перед собой другого человека.

Егор похудел. Лицо его заострилось, под глазами залегли тени, а во взгляде появилась та стальная, спокойная уверенность, которая бывает только у людей, переживших слишком многое. Он выглядел старше своих лет, и в его молчании чувствовалась тяжесть, которую нельзя было измерить килограммами или годами.

— Ну что, показывайте, что у вас тут, — сказал он, садясь за свой старый рабочий стол, который чудесным образом сохранили, хотя могли бы давно убрать в подсобку. На столе стояла

его любимая кружка с треснувшим краем — он принёс её ещё на первом курсе, и она пережила все переезды, кризисы и даже временное закрытие компании.

Они начали с отчётов. Проблемы были очевидны: алгоритм работал медленно, давал ложные срабатывания на сложных снимках, требовал слишком много вычислительных ресурсов. Конкуренты обгоняли их по скорости и точности. Инвесторы требовали революционного прорыва, а не косметических улучшений. Андрей и Сергей выглядели уставшими — они работали на износ, пытаясь спасти то, что годами строили.

Егор слушал, кивал и смотрел на код. Его пальцы бегали по клавиатуре, открывая файлы, просматривая структуры данных, анализируя логику работы. В его голове уже рождались решения, но он не торопился. Он попросил доступ к базе данных тестовых снимков и на три дня ушёл в «затворничество». Он сидел в своём кабинете до глубокой ночи, отказываясь от встреч, почти не выходя на обед, погружившись в данные.

Андрей пытался его разговорить, спрашивал, не хочет ли он отдохнуть, поесть, выпить кофе. Егор отвечал односложно, не отрываясь от монитора. Он слышал голос партнёра, но смысл слов доходил до него с задержкой, как будто через толщу воды.

— Мы можем нанять тебе помощника, — предложил Андрей на второй день, когда Егор уже шестнадцать часов подряд сидел за компьютером. — Ты же не можешь всё делать один.

— Могу, — ответил Егор, впервые поднимая голову. В его глазах был такой холодный, уверенный огонь, что Андрей невольно отшатнулся. — Я привык делать всё один. Но сейчас я делаю это не один. Я делаю это для нас.

Он снова ушёл в код.

Это была не та одержимость, что раньше, когда он горел азартом гениального, но неопытного разработчика. Это была новая одержимость — методичная, холодная и абсолютно эффективная. Он смотрел на снимки и видел не просто пиксели, а паттерны. Те самые, которые он научился различать в Глубинах: слабые сигналы среди хаоса, почти незаметные аномалии, скрытые связи.

Он вспомнил, как Гном учил его «читать» породу по едва заметным трещинам и наслоениям. Как Мира искала болезни по микроскопическим изменениям в биохимии. Как Финн замечал следы, невидимые для других. Всё это теперь слилось в его сознании в единую картину.

Он переписал ядро алгоритма, внедрив принципы, которые казались его партнёрам безумными: анализ не по точкам, а по полям вероятностей; сравнение не с эталонами, а с ассоциативными кластерами; приоритет не скорости, а глубины обнаружения.

Это было безумие. Но он уже научился слышать голос безумия и извлекать из него истину.

Через неделю он провёл демонстрацию. Загрузил тысячу сложных снимков, на которых старый алгоритм давал сбой. Новый код обработал их за две минуты, выявив 97% патологий с минимальным количеством ложных срабатываний. Это было в два раза быстрее и точнее, чем у лучших конкурентов.

В офисе повисла тишина. Андрей смотрел на экран с широко открытыми глазами, и его лицо медленно розовело. Сергей подошёл ближе, наклонился, перечитал цифры, перезапустил тест, чтобы убедиться, что ошибки нет. Ошибки не было.

Андрей первым нарушил тишину. Его голос сорвался на хрип, как будто он не дышал всю минуту.

— Как ты это сделал?

Егор пожал плечами. Он не мог объяснить им правду — что он научился видеть хаос как систему в мире, который не подчинялся человеческой логике. Что он провёл три года в мире, где законы физики были лишь смутными воспоминаниями, и это изменило его сознание навсегда.

Он просто сказал:

— Я немного пересмотрел подход. Иногда нужно смотреть не на то, что есть, а на то, чего нет. И тогда то, что есть, становится очевидным.

Он не стал говорить им о Глубинах. Не стал говорить о Сердце, о Борще, о тех ночах, когда он видел смерть в сотне ипостасей. Он просто взял свою кружку с треснувшим краем, отпил уже остывший кофе и сказал:

— Давайте работать.

Сергей и Андрей переглянулись. В их взглядах читалось одно и то же: они не понимали, что произошло, но знали, что их друг и партнёр вернулся. И он был сильнее, чем они могли себе представить.

Новости о прорыве «Нейро-Логики» разлетелись по медицинским и IT-сообществам быстрее, чем Егор ожидал. В течение двух недель их отдел продаж захлебнулся запросами. Клиники из Европы, Азии и даже Америки интересовались новой системой. Крупный фармацевтический концерн предложил эксклюзивный контракт на внедрение их алгоритмов в свои диагностические центры. Инвесторы, ещё месяц назад смотревшие на компанию скептически, теперь выстраивались в очередь.

Раунд финансирования, который они планировали на следующий год, закрылся за три дня с переподпиской в четыре раза. На переговорах Егор сидел, слушал, как его партнёры с энтузиазмом обсуждают цифры, стратегии и долю рынка, и чувствовал странную отстранённость. Они говорили о миллионах, а он думал о том, что в Глубинах ценность определялась не деньгами, а жизнями. Что настоящая валюта — это доверие, верность и умение не сдаваться. Что те, кто прошёл через ад, знают цену вещам, которые нельзя купить.

Но он не позволял этой отстранённости мешать. Он делал свою работу. Каждое утро он уходил в офис, решал задачи, наставлял молодых разработчиков, выстраивал стратегию, и каждый вечер возвращался домой к Арине и Алисе. Его дни были заполнены до краёв, но внутри него была тишина. Та самая тишина, которой он научился в Глубинах — способность быть спокойным в центре бури.

В какой-то момент он понял: он снова стал частью этого мира. Не того, где нужно выживать, а того, где можно создавать. Где его опыт, выстраданный в аду, приносил пользу здесь, на его родной планете, невидимой и благотворной. Каждое улучшение алгоритма, каждая спасённая жизнь, каждый правильный диагноз — это был его вклад в мир, который он однажды покинул и в который вернулся другим человеком.

Выходные стали священным временем. Егор старался не брать работу на субботу и воскресенье, посвящая себя семье. Они гуляли в парке, где Алиса собирала жёлуди и требовала объяснить, почему они падают вниз, а не вверх. Егор рассказывал ей о гравитации так просто и увлекательно, что даже прохожие улыбались, слушая.

— Видишь, Земля — большая, тяжёлая. Она притягивает всё к себе, как большой магнит, — говорил он, показывая на дуб. — Поэтому жёлуди падают к нам, а не улетают в небо.

— А если я прыгну, я тоже упаду? — серьёзно спрашивала Алиса, вглядываясь в отца с тем же выражением, с каким она смотрела на свои кубики.

— Упадёшь, — кивал Егор. — Но я тебя поймаю. Всегда.

Он ловил её, когда она прыгала, чувствуя, как её маленькое тело доверчиво падает в его руки. И в эти моменты он знал, что всё правильно. Что он здесь, где должен быть. Что все его жертвы, все его ночные кошмары, все шрамы на душе — они были ради этого. Ради того, чтобы ловить свою дочь в осеннем парке, чувствовать запах листьев и слышать её звонкий, счастливый смех.

Арина наблюдала за ними, сидя на скамейке с книгой в руках (которую она почти не читала, слишком увлечённая игрой отца и дочери). В её глазах больше не было той тревожной настороженности, что в первые дни. Она видела, как Егор меняется — не уходит в себя, не боится касаться, не вздрагивает от резких звуков. Он становился собой. Тем самым Егором,

которого она полюбила много лет назад. Только сильнее. Только глубже. Только с большей благодарностью в каждом взгляде, каждом прикосновении, каждом слове.

Вечерами, когда Алиса засыпала, они сидели на кухне, пили чай и разговаривали. Иногда о работе, иногда о будущем, иногда просто молчали, слушая тишину. Егор держал её руку в своей и чувствовал, как это простое действие лечит его душу лучше любых седативных препаратов.

Однажды Арина спросила:

— Ты счастлив, Егор?

Он подумал. Не для того, чтобы найти правильный ответ, а чтобы быть честным. В Глубинах он научился ценить честность выше всего остального, даже когда она была болезненной.

— Я не знаю, что такое счастье, — признался он. — Я слишком долго жил там, где это слово не имело смысла. Но я знаю, что я спокоен. Что я хочу быть здесь. Что ты и Алиса — самое важное, что у меня есть. Наверное, это и есть счастье.

Арина ничего не сказала. Она просто прижалась к нему, положив голову ему на плечо, и они долго сидели так, глядя в окно на звёзды, которые светили для них одинаково — и на Земле, и там, за миллионы километров, в мире, где он был кем-то другим.

Она чувствовала, как бьётся его сердце — ровно, спокойно, уверенно. И знала, что это самое главное. Что он вернулся. Что он с ними. Что он жив.

И этого было достаточно.

Но даже в этом почти идеальном мире оставались трещины. Они проявлялись в мелочах, неожиданно и безжалостно, напоминая ему о том, что прошлое не уходит просто так.

Однажды, во время прогулки в парке, Егор увидел низколетящий дрон-курьер. Его тень на мгновение закрыла солнце, и что-то в этом быстром, бесшумном движении вызвало у Егора мгновенную, неконтролируемую реакцию. Он схватил Алису за руку и резко пригнулся, прикрывая её собой, готовясь к удару.

— Папа, больно! — заплакала Алиса, пытаясь вырвать руку из его мёртвой хватки.

Арина подбежала, испуганная, но не кричала — она уже знала, что крики могут усугубить его состояние. Егор стоял, согнувшись, с расширенными глазами, тяжело дыша, сканируя небо на предмет новых угроз. Его сердце колотилось как бешеное, в ушах шумела кровь, а перед глазами на мгновение мелькнула картина — другой мир, другие тени, другая опасность.

Дрон уже исчез за деревьями, но его тело всё ещё было напряжено, готовое к бою.

— Прости, — выдохнул он, отпуская Алису. — Прости, малыш. Я не хотел. Мне показалось...

Алиса, увидев его испуганное лицо, перестала плакать и подошла ближе, потирая покрасневшую руку. Её глаза были серьёзными, как у взрослой.

— Ты испугался дрона, папа? — спросила она, вглядываясь в его лицо. — Дроны не страшные. Они просто летают. Я видела их в парке много раз.

Егор не знал, что ответить. Он смотрел на свою дочь, такую маленькую и такую мудрую, и чувствовал, как внутри него что-то сжимается от стыда и боли. Он хотел быть для неё героем, а вместо этого напугал её, показал свою слабость, свою незажившую рану.

Арина взяла его за руку и мягко сказала:

— Всё в порядке. Это нормально. Ты просто ещё не привык.

Егор кивнул, чувствуя, как он дрожит. Он понимал, что эти реакции будут всплывать ещё долго. Что его тело помнит то, что разум уже почти похоронил. И он не мог контролировать это — только принимать и учиться жить с этим.

— Прости, Алиса, — повторил он, опускаясь на корточки перед дочерью. — Иногда папа пугается глупых вещей. Но я никогда не сделаю тебе больно нарочно. Ты веришь мне?

Алиса серьёзно посмотрела на него, потом кивнула и обняла за шею.

— Верю. Ты мой папа. Ты хороший.

И в этом простом детском прощении было больше мудрости, чем во всех его стратегиях и алгоритмах вместе взятых.

В другой раз, в супермаркете, Егор услышал громкий звук упавшего металлического стеллажа в соседнем ряду. Звук эхом разнёсся по всему залу, и Егор, не успев подумать, схватил Арину за плечи и прижал к себе, закрывая собой, готовясь к взрыву, к обвалу, к чему-то, чего здесь не могло быть по определению. Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал, что это просто авария, что никто не стреляет, что он в безопасности, что он на Земле, а не в Глубинах.

Арина не ругалась. Она не оттолкнула его, не сказала, что он сошёл с ума. Она просто обняла его в ответ и прошептала:

— Ты здесь. Ты в безопасности. Мы в безопасности. Дыши.

Он дышал. Медленно, глубоко, возвращая себя в реальность. Считал удары сердца, вдыхал запах супермаркета — кофе, выпечка, чистящие средства — и постепенно возвращал себе контроль.

— Прости, — выдавил он, когда смог говорить. — Прости. Я не могу...

— Не нужно извиняться, — твёрдо сказала Арина. — Ты прошёл через такое, что мы даже представить не можем. Это не твоя вина. Это просто... последствия. И мы справимся. Вместе.

Эти моменты становились реже, но не исчезали полностью. Егор знал, что они будут частью его жизни ещё долго — напоминанием о том, кем он был и через что прошёл. Он не пытался избавиться от них. Он учился с ними жить. Принимать их как часть себя, как шрамы на душе, которые никогда не заживут до конца, но перестанут болеть.

С каждым месяцем Егор чувствовал, как его навыки, отточенные в Глубинах, находят всё большее применение в повседневной жизни. Он научился видеть то, чего не видели другие: слабые сигналы в данных, скрытые риски в бизнес-стратегиях, невысказанные тревоги в голосе Арины. Он стал лучше понимать людей. Не потому, что он был психологом, а потому что в Глубинах он научился читать намерения по мельчайшим движениям, по интонациям, по дыханию, по тому, как человек сжимает пальцы или отводит взгляд.

Это помогало ему в переговорах с инвесторами, в общении с партнёрами, в разрешении конфликтов в команде.

Андрей, его партнёр, однажды заметил, когда они сидели в баре после удачной сделки и потягивали виски:

— Ты изменился. Раньше ты был гением, но не мог объяснить свои идеи простым языком. Ты был как закрытая книга — все видели обложку, но никто не мог прочесть содержание. Теперь ты говоришь так, будто видишь на три шага вперёд. Будто знаешь, что мы скажем, до того, как мы скажем. Где ты этому научился?

Егор улыбнулся и не ответил. Он просто отпил виски, чувствуя, как горьковатый вкус растекается по языку, и сказал:

— Там, где приходилось платить за ошибки жизнью.

Андрей не стал спрашивать больше. Он просто поднял бокал и сказал:

— Что ж, рад, что ты вернулся. Каким бы ты ни стал.

И они выпили за это.

Его компания росла. Ему предлагали партнёрство в крупных корпорациях, звали на конференции, просили написать книгу. Он отказывался от публичности, предпочитая оставаться в тени, работать над кодом и проводить время с семьёй. Он не хотел быть знаменитым. Он хотел быть дома.

Он уже не был тем отчаявшимся человеком, который подписал контракт с Картелем. Он был кем-то большим: стратегом, лидером, отцом, мужем, который научился ценить каждую

минуту тишины и покоя. Его жизнь на Земле обрела смысл и форму. И когда он смотрел на звёздное небо, он уже не боялся, что оно может открыться и поглотить его. Он знал, что его место — здесь, на Земле, с теми, кто ждал его и любил.

Прошло почти два месяца. Егор сидел на крыльце своего дома в сумерках, глядя, как закат окрашивает небо в багряные и золотые тона. В руках он держал кружку чая — крепкого, с мёдом и лимоном, как любила Арина. Рядом на ступеньках устроилась Алиса, которая пыталась нарисовать звёзды мелками на асфальте. Арина грелась в шезлонге, укутавшись в плед, и читала книгу, иногда поглядывая на них поверх страниц с мягкой, спокойной улыбкой.

Это был обычный вечер. Таких вечеров у них будет ещё тысячи. Но в этот момент Егор чувствовал, что именно сейчас — ключевой. Что именно здесь и сейчас он окончательно понял: он прошёл через ад и вернулся. Не сломленным, не пустым, а наполненным. Наполненным благодарностью, любовью и желанием жить. Наполненным тихой радостью, которая не требовала слов.

— Я останусь, — тихо сказал он, глядя на звёзды, которые зажигались одна за другой на тёмно-синем небе. — Навсегда.

Арина подняла голову от книги и улыбнулась. В её улыбке было всё — и облегчение, и любовь, и понимание того, что он наконец-то смирился с тем, где ему место.

— Мы знаем, — ответила она.

Алиса, не отрываясь от рисунка, но слыша каждое слово, добавила:

— Конечно, папа. Ты же обещал.

Егор улыбнулся. Его сердце было спокойным. Он был дома.

И это было главным.

Глава 2

Особенным моментом стала первая годовщина возвращения Егора. Он не считал дни в календаре — он считал их в сердце. Каждое утро, просыпаясь в своей постели, он заново переживал это чудо: быть здесь, быть с ними, быть живым. И когда Арина напомнила ему, что через неделю будет ровно год с того дня, как он ступил на порог их дома, Егор почувствовал, что это нужно отметить. Не как возвращение из ада — а как начало новой жизни.

— Я хочу устроить праздник, — сказал он однажды вечером, когда они сидели на кухне, а Алиса уже спала. — Настоящий. С гостями, с тортом, с шариками. Чтобы Алиса запомнила.

Арина подняла бровь, отрываясь от чашки с чаем. В её глазах мелькнула тёплая усмешка.

— Она запомнит? Ей всего три года, Егор.

— Она запомнит чувство, — поправил он. — Я хочу, чтобы она знала: её папа умеет устраивать праздники. Что он здесь, что он рад, что он её любит. Не словами — делом.

Арина смотрела на него несколько секунд, и в её взгляде было что-то глубокое, почти болезненное. Она видела, как он старается. Как он вкладывает в каждое действие, в каждое слово, в каждый жест всю свою невысказанную благодарность за то, что у него есть шанс. Что он не потерял их. Что они не потеряли его.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Давай устроим праздник. Большой. С шариками, с тортом, с гостями. Только обещай мне, что ты тоже будешь радоваться, а не просто смотреть, как радуются другие.

Егор улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, что Арина на мгновение забыла, как дышать.

— Обещаю, — сказал он. — Я научусь. Ради вас.

Они готовились к празднику целую неделю. Егор с энтузиазмом взялся за организацию: он составил список гостей, заказал торт у лучшего кондитера в городе, купил воздушные шары, гирлянды, игрушки для детей. Он подходил к этому с той же методичностью, с которой когда-то планировал спуски в Глубины — но теперь это была лёгкая, радостная методичность, лишённая смертельной серьёзности.

В день праздника дом преобразился. Просторная гостиная, залитая солнечным светом, была украшена гирляндами из бумажных флажков — Алиса помогала их клеить и была невероятно горда собой, когда видела результат. Большой обеденный стол был заставлен тарелками с закусками, фруктами и сладостями. В центре стоял главный торт — трёхъярусный, с кремовыми розами и фигуркой маленькой девочки с единорогом на вершине. Алиса, увидев его, застыла с открытым ртом, а потом побежала к Егору и обхватила его ноги, прокричав на весь дом: «Папа, это для меня?!»

— Для тебя, — засмеялся он, поднимая её на руки. — Ты же у нас именинница. Сегодня всё для тебя.

Она засмеялась, запрокинув голову, и Егор почувствовал, как его сердце переполняется той самой радостью, о которой говорила Арина.

Гости начали собираться к полудню. Первыми приехали Оля и Максим — они привезли огромную коробку с подарками и целый пакет домашнего печенья. Оля, как только вошла, сразу бросилась к Алисе, обняла её и начала щебетать что-то радостное, а Максим подошёл к Егору и молча похлопал его по плечу. В этом жесте было всё: и одобрение, и гордость, и понимание того, как далеко они оба прошли.

— Хороший дом, — сказал Максим, оглядывая гостиную. — Уютный. Ты сделал правильный выбор.

Егор улыбнулся, чувствуя, как его отцовское одобрение согревает душу. Он помнил те времена, когда он был студентом, когда они с Максимом спорили о том, как правильно строить будущее. Теперь они смотрели на один и тот же мир — мир, построенный на доверии и любви.

Потом приехали друзья. Андрей с женой и маленьким сыном, Сергей с девушкой, несколько коллег из «Нейро-Логик». Дом наполнился голосами, смехом, детским визгом. Алиса, привыкшая к тишине и спокойствию, сначала немного растерялась, но потом быстро освоилась, втянув Андрея в игру с воздушными шариками.

Егор наблюдал за всем этим, стоя в углу гостиной с бокалом в руке. Он смотрел на свою дочь, которая бегала по комнате, размахивая разноцветным шариком, на свою жену, которая разговаривала с Олей о рецептах, на своих друзей, которые смеялись и шутили, и чувствовал, как внутри него разрастается тихое, спокойное счастье. Оно не было взрывным, как радость. Оно было глубоким, как океан, и таким же тёплым, как летнее солнце.

Арина перехватила его взгляд и подошла.

— Ты доволен? — спросила она, касаясь его руки.

— Я счастлив, — ответил он, и в голосе его не было ни капли сомнения. — Я не знал, что так бывает. Что можно просто стоять и чувствовать, что всё хорошо. Что всё правильно. Что ты там, где должен быть.

— Это называется жизнь, Егор, — улыбнулась она. — Просто жизнь. И она здесь.

— Я знаю, — тихо сказал он. — Теперь знаю.

Когда настало время торта, Алису посадили на специальный стульчик в центре комнаты. Она сидела, выпрямившись, с серьёзным лицом маленького монарха, принимающего почести. Торт с тремя свечами стоял перед ней, и она смотрела на него с той особенной, детской серьёзностью, которая могла рассмешить любого взрослого.

— Задувай свечки, Алиса! — крикнул кто-то из гостей.

Она обвела взглядом всех присутствующих, как будто проверяя, все ли готовы к этому важному моменту. Потом наклонилась, глубоко вздохнула и задула все три свечи с первого раза. Гости зааплодировали, кто-то засвистел, а Алиса, довольная собой, посмотрела на Егора и громко сказала:

— Я загадала, чтобы папа всегда был рядом!

На мгновение в комнате стало тихо. Егор почувствовал, как комок подступает к горлу, а глаза начинают щипать. Он смотрел на свою дочь — такую маленькую, такую серьёзную, такую доверчивую — и понимал, что это самое ценное пожелание в его жизни. То, которое он не мог бы купить ни за какие ресурсы Глубин, ни за какие миллионы контрактов.

Он подошёл к ней, опустил на корточки и обнял.

— Я всегда буду рядом, — прошептал он. — Обещаю. Всегда.

Алиса обхватила его шею, прижалась щекой к его плечу и сказала:

— Я знаю, папа. Ты же обещал.

И этот момент — момент, когда он держал её на руках, когда вокруг них смеялись и говорили люди, когда воздух был наполнен запахом торта и детским счастьем — стал для Егора точкой отсчёта новой эпохи. Эпохи, в которой он был не солдатом, не стратегом, не добытчиком. А отцом.

Он смотрел на неё и думал: «Она никогда не узнает, где я был. И это правильно». Он не хотел, чтобы её мир, её детство, её радость были омрачены тенью того, что он пережил. Он хотел, чтобы она росла в свете, чтобы она знала только любовь, заботу и безопасность. Чтобы она никогда не поняла, что такое «шёпот камней», что такое страх смерти, что такое цена выживания.

И когда она посмотрела на него своими большими серыми глазами, в которых отражался свет гирлянд и улыбки, Егор знал: он сделает всё, чтобы этот свет никогда не погас.

С каждым днём Егор замечал в Алисе свой пытливый ум. Она была не просто ребёнком, который играет — она была маленьким исследователем, который хочет понять, как устроен мир. Он видел это в её глазах, когда она рассматривала игрушки, разбирала их, пыталась собрать заново. Он слышал это в её вопросах, которые иногда ставили его в тупик.

Однажды она прибежала к нему с разобранной механической игрушкой — заводным роботом, который ходил и махал рукой. Робот лежал у неё на ладонке в виде набора деталей, и Алиса смотрела на них с выражением настоящего разочарования.

— Папа, он сломался, — объявила она. — Я хотела посмотреть, как он работает, а он перестал работать.

Егор улыбнулся и сел рядом с ней на пол.

— Давай посмотрим, — предложил он. — Может быть, ты просто случайно что-то не так собрала. Покажи.

Они провели следующий час, собирая робота. Егор не делал всё за неё — он задавал вопросы, показывал, как соединяются шестерёнки, объяснял, почему пружина должна быть натянута определённым образом. Алиса слушала, хмурилась, пыталась, ошибалась, снова пыталась. И когда робот наконец ожил, пошёл по полу и помахал своей механической рукой, она запрыгала от восторга, обхватила Егора за шею и закричала:

— Мы сделали это, папа! Мы починили его!

— Ты починила его, — поправил Егор. — Я только показывал. Ты сделала всё сама.

И в этот момент он понял, что в ней действительно есть что-то от него. Та же одержимость, то же желание понять, как всё устроено, та же радость от того, что ты можешь создать что-то своими руками. Это было не наследственностью — это было продолжением. Нити, связывающие поколения, передавались через эти моменты, через эту любовь к познанию.

Арина, наблюдавшая за ними с дивана, улыбалась. Она видела, как Егор преобразается, когда он рядом с дочерью. Его лицо становилось мягче, голос — теплее, в глазах появлялся свет, которого не было в первые недели. Он учился быть отцом, и это учение шло ему на пользу больше, чем любой контракт или стратегия.

— Егор, — позвала она, когда Алиса убежала показывать робота Оле. — Иди сюда.

Он подошёл и сел рядом, чувствуя, как усталость приятно разливается по телу. День был долгим, но каждый момент был наполнен смыслом.

— Ты замечаешь, что она становится твоей копией? — спросила Арина. — У неё твой ум. Твоя любознательность. Твой характер.

Егор задумался. Раньше он не замечал этого — он слишком был занят тем, чтобы быть рядом, чтобы быть настоящим. Но теперь он видел: да, в ней была его черта. Та одержимость деталями, та потребность понять, как всё работает, та радость, когда удаётся решить задачу.

— Может быть, — ответил он. — Но я хочу, чтобы она была умнее меня. Чтобы она использовала свой ум для того, чтобы делать мир лучше. Не чтобы выживать — а чтобы жить.

— Она будет, — сказала Арина. — У неё есть пример. Она видит, что ты делаешь. Она видит, что ты создаёшь. И это важнее любых слов.

Егор смотрел на свою жену, и в её глазах он видел ту же гордость, которую чувствовал сам. Они были командой — он, Арина и Алиса. Командой, которая училась строить будущее, несмотря на все тени прошлого.

Иногда, вечерами, когда Алиса засыпала, Егор садился за компьютер и открывал файлы, которые привёз с собой из Глубин. Не те, что были в официальных отчётах, а те, что он вёл для себя. Записи о структуре кристаллов, о поведении аномалий, о том, как Гном учил его «читать» породу по наслоениям и трещинам. Он переводил эти наблюдения на язык алгоритмов, на язык данных, который мог быть полезен здесь, на Земле.

Он понял, что его опыт, его знания, его уникальное восприятие — это не просто травма и бремя. Это инструмент. Инструмент, который можно использовать для того, чтобы делать мир лучше.

Он начал работать над новым проектом — системой анализа геологических данных, которая могла бы предсказывать сдвиги породы, оползни, сейсмическую активность. Он использовал принципы, которые выучил у Гнома, те же паттерны, которые помогали им избегать обвалов в Глубинах. Теперь они могли спасать жизни на Земле.

Когда он впервые показал Арине прототип, она долго смотрела на экран, потом перевела взгляд на него.

— Ты принёс это оттуда, — сказала она не вопросом, а утверждением.

— Да, — ответил он. — Но я не принёс ужас. Я принёс то, что можно использовать для добра. Они научили меня видеть то, чего не видят другие. Теперь я могу использовать это, чтобы помогать людям. Это не месть. Это... продолжение. Искушение.

Арина ничего не сказала. Она просто подошла, обняла его и прошептала:

— Ты уже искупил всё, что мог. Ты просто делаешь мир лучше. Потому что ты — хороший человек.

И в этой фразе, сказанной просто и без пафоса, было больше смысла, чем в любых контрактах.

С каждым днём Егор чувствовал, как его жизнь обретает новую глубину. Он был не просто мужем и отцом. Он был человеком, который нашёл свой путь. Он строил технологии, которые могли спасать жизни. Он воспитывал дочь, которая вырастет умной и доброй. Он любил жену, которая верила в него, даже когда он сам в себя не верил.

И когда он смотрел на Алису, которая сидела на полу, окружённая кубиками и книжками, и что-то сосредоточенно собирала, он знал: всё, что он пережил, имело смысл. Каждый удар, каждый страх, каждая ночь в Глубинах — они были ради этого. Ради того, чтобы стоять здесь, в этом светлом доме, и смотреть, как его дочь строит свой первый замок.

Она никогда не узнает, где он был. И это правильно. Она не должна знать о тьме. Она должна знать о свете, который он принёс из тьмы.

В субботу они поехали в парк. Егор предложил устроить пикник — взять плед, корзинку с едой, посидеть на траве, послушать птиц. Алиса, услышав об этом, запрыгала от радости и начала собирать свою корзину с игрушками, чтобы взять их с собой.

Парк был большим, старым, с высокими деревьями, чьи кроны создавали естественный шатёр, защищающий от палящего солнца. Они нашли укромное местечко у небольшого пруда, где плавали утки, и расстелили плед.

Алиса сразу же побежала к уткам, пытаясь покормить их хлебом, который она выпросила у Арины. Егор смотрел на неё, на её счастливое, сосредоточенное лицо, на её маленькие руки, которые бережно крошили хлеб, и чувствовал, как внутри него разливается покой.

— Она счастлива, — сказала Арина, садясь рядом с ним. — Ты даёшь ей это счастье.

Егор посмотрел на неё и покачал головой.

— Мы даём ей это счастье, — сказал он. — Вместе. Без тебя я бы не справился. Без тебя я бы не вернулся. Ты — моё основание. Моя опора.

Арина улыбнулась, положила голову ему на плечо, и они долго сидели так, глядя на дочь, которая бегала по травянистому берегу пруда, смеялась и разговаривала с утками.

В какой-то момент Алиса подбежала к ним, запыхавшаяся, с сияющими глазами, и сказала:

— Папа, посмотри! Я нашла ракушку! Красивую!

Она показала маленькую, блестящую ракушку, которую нашла у воды. Егор взял её в руки, рассмотрел, улыбнулся.

— Красивая, — согласился он. — Знаешь, что это? Это дом для маленькой улитки. Она живёт там, прячется от дождя и холода. И когда она вырастает, она находит себе новый дом, побольше. Как мы.

Алиса посмотрела на ракушку, на Егора, потом обратно на ракушку.

— Мы тоже ищем новый дом? — спросила она.

Егор задумался на мгновение, потом покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Мы нашли свой дом. И теперь мы будем в нём жить. Долго-долго. Вместе.

Он обнял её, и она прижалась к нему, сжимая в кулачке свою маленькую находку. В этот момент он понял, что это и есть ответ на все вопросы. Что бы ни случилось, какие бы тени ни тянулись за ним из прошлого — здесь, в этом парке, с этой семьёй, он нашёл свой дом.

В нём было всё. И тьма, и свет. И прошлое, и будущее. И любовь, которая не требует объяснений.

Арина смотрела на них, и в её глазах стояли слёзы. Не слёзы боли — слёзы тихой, глубокой радости. Она видела, как Егор меняется, как он становится тем человеком, которым всегда должен был быть. Не сломленным войной, не раздавленным прошлым, а живым, настоящим, любящим.

— Я люблю тебя, — прошептал он, поворачиваясь к ней. — Я никогда не говорил тебе этого достаточно. Но я люблю тебя. Больше, чем жизнь.

— Я знаю, — ответила она, касаясь его руки. — Я всегда знала.

Они сидели на траве, смотрели на закат, который окрашивал небо в золотые и розовые тона, и слушали, как Алиса поёт какую-то свою песенку, которую она сама сочинила. И в этом моменте было всё: их любовь, их дочь, их дом, их будущее. Всё, что они построили, несмотря ни на что.

И Егор знал: это не конец истории. Это только начало.

Начало жизни, которую он заслужил. Начало семьи, которую он спас. Начало света, который он принёс из тьмы.

Глава 3

Идиллия не могла длиться вечно. Это было не предчувствие — это было знание, которое жило в глубине сознания Егора, как тихий, но настойчивый голос, напоминающий о том, что покой — это лишь передышка между бурями. Он знал это по Глубинам, где тишина никогда не была настоящей, где за каждым затишьем следовал обвал, где спокойствие было лишь иллюзией, за которой пряталась смерть.

Но здесь, на Земле, буря была другой. Она не приходила с грохотом и треском падающих камней. Она приходила тихо, как утренний туман, незаметно окутывая пространство между ним и Ариной, заполняя паузами их разговоры, делая их взгляды чуть более отстранёнными.

Егор стал замечать это не сразу. Сначала ему казалось, что он просто устаёт — работа в «Нейро-Логике» требовала всё больше времени и сил, проекты множились, инвесторы требовали отчётов, команда нуждалась в руководстве. Он возвращался домой поздно, ужинал в тишине, слушая, как Арина рассказывает о дне Алисы, и кивал, не всегда слыша смысл её слов.

Но потом он начал замечать другое. Как его взгляд задерживается на экране ноутбука чуть дольше, чем нужно. Как он прокручивает новостные ленты, выискивая заголовки, в которых мелькают знакомые названия: «Феррум-Терра», «сектор Деметра», «колония Новый Киев». Как его пальцы сами собой набирают в поисковой строке имена — Леха, Мира, Финн, Гном — и он читает старые сообщения, которые уже не отправляет, потому что не знает, что сказать.

Он не скучал по Глубинам. Он не скучал по аду. Но он скучал по своим. По тем, кто знал его настоящего, кто видел его в самые тёмные моменты и не отвернулся. По тем, кто держал его щит, когда он падал. По тем, кто понимал без слов, потому что слова были лишними, когда каждый вдох мог быть последним.

И это чувство — это тихое, ноющее чувство утраты, которое он не мог объяснить даже самому себе — росло внутри него, как кристалл в Глубинах, медленно, но неотвратно.

Однажды вечером Арина застала его за этим занятием. Она вошла в кабинет тихо, босиком, чтобы не разбудить Алису, и замерла на пороге, глядя на его спину, сгорбленную над ноутбуком. Свет экрана отражался в его глазах, и она видела, как он сосредоточенно читает что-то, не замечая её присутствия.

Она подошла ближе и увидела заголовки: «Новый Киев: расширение медицинского сектора», «Колония Деметра-4: отчёт о развитии за квартал». Её сердце сжалось. Она знала, что эти названия значат для него. Она знала, что там, на этой далёкой планете, живут люди, которые стали ему ближе, чем некоторые из тех, кто сейчас спал в соседней комнате.

— Ты скучаешь? — спросила она тихо, и в её голосе была боль, которую она не могла скрыть. — По ним?

Егор вздрогнул, как будто его застали за чем-то постыдным. Его пальцы инстинктивно нажали на клавишу, закрывая ноутбук, и он обернулся к ней с выражением виноватого ребёнка, которого поймали на краже сладостей.

— Я просто проверял новости, — сказал он, и его голос прозвучал слишком быстро, слишком натянуто. — Интересно, что там происходит. Ничего особенного.

— Егор, — Арина шагнула ближе, и в её глазах была не злость, а тихая, выстраданная печаль. — Я знаю тебя. Ты не просто проверяешь новости. Ты ищешь их. Ты ждёшь вестей от них. Ты скучаешь по ним.

Он хотел возразить, сказать, что она ошибается, что это просто профессиональный интерес, что он следит за развитием технологий в других секторах. Но слова застряли в горле, потому что она была права. Она всегда была права, когда дело касалось его чувств.

— Арина, — начал он, но она перебила его.

— Я не виню тебя, — сказала она, и в её голосе дрожала тонкая, как паутина, нота. — Я понимаю, что они для тебя значат. Ты прошёл через ад вместе с ними. Ты доверял им свою жизнь. И они доверяли тебе. Это не может просто исчезнуть.

— Тогда что ты хочешь услышать? — спросил Егор, и в его голосе впервые за долгое время появилась резкость. — Что я забыл их? Что я вычеркнул ту часть своей жизни? Я не могу. Это часть меня. Они — часть меня.

— Я знаю, — тихо сказала Арина. — Я просто хочу знать, есть ли место для нас в той жизни, которую ты ведёшь в своей голове?

Этот вопрос повис в воздухе, как лезвие, готовое упасть. Егор смотрел на неё и чувствовал, как между ними растёт трещина, которую он не знал, как залатать. Он видел её боль, её страх, её отчаянное желание вернуть его — того, кого она любила, того, кто ушёл в Глубины и вернулся другим. Он видел это и не знал, как сказать ей, что он уже не может быть тем прежним.

— Ты здесь, — медленно сказал он, подбирая слова. — Вы здесь. Ты и Алиса — это моё всё. Это моя реальность. Но та жизнь... она не ушла. Она всегда будет со мной. Я не могу просто выбросить её, как старый хлам. Это было бы предательством того, что мы пережили.

— Предательством? — переспросила Арина, и в её голосе появилась горечь. — А как же предательство по отношению ко мне? К нам? Ты здесь, но ты не с нами. Твои мысли там, с ними. Ты смотришь на меня, но видишь кого-то другого. Ты говоришь со мной, но в твоей голове — их голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.